

Русская литература - Гасприн - 1995 - 31.8.95 - с. 12.

Семейное счастье Льва Толстого

Книга Сергея Михайловича Толстого «Les enfants de Tolstoï» впервые вышла в Париже в 1989 году. Автор — внук Льва Толстого по линии его младшего сына Михаила Львовича, умершего в Марокко в 1944 году. Сергею Михайловичу 84 года (он пишет в своей книге, что иногда плакал по ночам оттого, что не застал своего великого деда в живых, родившись через несколько месяцев после его смерти). По профессии он врач. С. Толстой оказался в Париже, где и живет по сей день, в 1921 году, в десятилетнем возрасте. Семья его проделала обычный для беженцев из советской России путь: Константинополь — Югославия — Франция. (Вообще все дети Толстого, пережившие революцию, окончили свои дни в эмиграции, кроме одного — Сергея Львовича). Сергей Михайлович — глава им же созданного «Общества друзей Толстого» во Франции.

Он смог снова увидеть Россию лишь спустя сорок лет, в 1960 году. Именно тогда, стоя на деревенском кладбище, где были похоронены его предки и родственники, С. М. Толстой принял решение написать о них: «Как обычно в таких местах, я думал о жизни и о смерти, о нашем эфемерном пребывании на этом свете, о далекой эпохе, когда те, кто покоится здесь, были живыми. И тогда во время этого раздумья мне пришла мысль написать книгу «Толстой и Толстые» (первая книга Сергея Михайловича о роде Толстых. — М. Ж.) и о моих родителях, похороненных в чужой земле. Как относительно время. Мне кажется, что эпоха моего деда была ближе к той, которую он описал в «Войне и мире», хотя она и отдалена на сотню лет от дня его смерти, чем время моего детства по отношению к современной эпохе».

Нам более или менее известны книги дочерей и сыновей Льва Толстого. Давно отмечено, что практически все дети «самого известного писателя в России» были в той или иной степени наделены литературным талантом. Дети Толстого были первыми (из первых рук) и, наверное, самыми надежными биографами своего отца. «Очерки былого» Сергея Львовича Толстого (и его же, кстати, не так давно переизданный «Федор Толстой. Америка-нец»); «Воспоминания» и «Дневник» Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой; «Мои воспоминания» Ильи Львовича Толстого; «Правда о моем отце» Льва Львовича Толстого (интересно, что он был литератором в полном смысле этого слова, писал пьесы, статьи и рассказы, среди которых «Прелюдия Шопена» — о достоинствах брака и семьи, вероятно, как ответ «Крейцеровой сонате»); многочисленные книги, в том числе «Отец», младшей дочери Александры Львовны Толстой, помимо прочего, основательницы Толстовского фонда; биографические заметки Андрея Львовича и Михаила Львовича.

Словом, все дети Толстого, кроме Марьи Львовны, умершей в 35-летнем возрасте еще при жизни родителей, оставили свои свидетельства об отце и матери. Но внуки (их было 31, из которых пятеро живы) мало писали об этом. Книга «Дети Толстого» — самое подробное биографическое повествование, написанное внуком Льва Николаевича. Более того, в первый и, наверное, в последний раз семья Толстого (отцы и дети) собрана вместе под одной обложкой рукою потомка и очевидца. Мучительно близкого к тем временам, к той эпохе, и все же отдаленного от нее почти что столетием и (быть может поэтому) более беспристрастного.

В книге даны замечательные, занимательнейшие биографические очерки всех восьмерых детей Льва Толстого, доживших до зрелого возраста, и даже несколько строк о последнем сыне Ванечке, обожаемом родителями, умершем семи лет от роду. Современники вспоминали, что именно после его смерти Толстой все чаще повторял: «Смерти нету...»

Сергей Толстой. Дети Толстого. Пер. с франц. А. Полосиной. Тула, Приокское ин. изд-во, 1994.

Но в начале книги Сергея Толстого — прелестная, трогательная и очень краткая «автобиография». Мы взяли это слово в кавычки именно из-за ее краткости: это даже не автобиография, не мемуары, а «святая ложь воспоминаний», мимолетное детство, несколько счастливых и печальных картин, навсегда оставшихся в памяти. В «Детях Толстого» очень чувствуется генетика автора «Детства». Чтобы не присваивать себе чужих мыслей, приведем просто отрывок из предисловия А. Полосиной, переводчицы книги: «Дети Толстого» — это красочные картины русского быта, в котором слились исторические события и личные переживания автора, реализм и романтика. Сочные, благоуханные воспоминания раннего детства автора в предреволюционной России, пестрая ткань вечных жизненных сил, переплетенных с тысячами суждений Льва Толстого, его идеями, вкусами, настроениями, — все это составляет основу книги. Однако Россия, детство — это всего лишь прелестный антураж. Движущей идеей и главным содержанием книги является раскрытие противоречивых,

Сергей Михайлович Толстой.
Фото В. Бромберга. 1970.

няет от тебя мир, и чем скорее он устранился, тем тебе светлее и лучше», — писал Толстой дочери Маше, узнав о каком-то ее увлечении. Странно и невероятно, но эти увещевания оказывали мистическое действие на дочерей. «Зачем выходить замуж, когда он тут», — записывала в своем дневнике Татьяна Львовна. Казалось, Толстой хотел окончательно проверить идеи «Крейцеровой сонаты» на собственных детях.

И все же все его дети в течение всей жизни вспоминали, что у них было сказочно счастливое детство. Это счастье со-

Семья Л. Н. Толстого во время его болезни в Гаспре. Фото С. А. Толстой. 1901 — 1902.

ярких, неповторимых характеров детей Толстого, жизнь которых могла бы стать сюжетом приключенческих романов».

Да, жизнь детей, особенно сыновей, могла бы стать сюжетом скорее даже не приключенческих романов, а водевилей: у них была странная, непутевая жизнь. «Дети Толстого, во многом похожие на отца, унаследовали от него физическое сходство, некоторые черты характера, по искорке его таланта, но влияние среды, окружения, случайных и неслучайных обстоятельств, мнимых и подлинных ценностей отразилось на их способностях, характерах и жизни. Не обладая упорством, чтобы развить врожденные способности, они расплылись в повседневной жизни, не достигли желаемому им выросли в мастеров своего дела, остались дилетантами», — пишет Сергей Толстой.

«Великий писатель земли русской» обладал огромным, почти тираническим влиянием на своих детей, и тайна этого влияния останется одной из тайн толстовской личности. В книге приведены длинные письма Толстого к сыновьям и дочерям с бесконечными проповедями и нравоучениями, причем во многих письмах он считал своим отцовским долгом набросать общие тезисы «толстовства». С теми же детьми, которые не шли по раз и навсегда проложенному им пути (особенно это касается Льва Львовича, главного «оппонента» Толстого среди его детей), он часто избегал общения. Толстой не умел раскрепостить своих детей, не освобождал их от «тирании» собственного гения и славы, и это порождало в них либо безусловное поклонение, либо безотчетное раздражение.

Переводчик «Детей Толстого» пишет: «Сегодняшний читатель будет потрясен той двусмысленной ролью, которую Толстой сыграл в воспитании дочерей, особенно старшей, Татьяны Львовны, а также любимой дочери Марьи Львовны, худобно препятствуя их замужеству в надежде удержать их при себе».

Да, письма Толстого дочерям на эту тему читаешь с недоумением. «Неужели свет совсем сошелся клином и на этом клину только один человек. Мне-то со стороны видно, что этот один человек заслу-

ждалось и отцом, и матерью. И ими же разрушалось их счастье в зрелости, в тех обстоятельствах, которые предшествовали уходу детей из дома и которые раскололи детей на «сторонников» отца и «сторонников» матери. Говоря о семейной драме Льва Толстого и об участии в ней детей, Сергей Толстой предельно корректен, аристократичен. В его книге совсем нет столь частой для биографической литературы «клубнички»; автор ни в одной строке не идет на злоупотребление тем, что герои его книги уже не могут ее прочесть. Ценность книги еще и в том, что в ней использованы не только опубликованные материалы — дневники, письма, мемуары, но и многое из личного архива Сергея Михайловича, редкие фотографии.

«Детей Толстого» дочитываешь именно с теми мыслями, которые сам автор высказывает в заключении: «Часто бывает, что дети, я не буду ссылаться на Фрейда, не учитывают ни опыта, ни знаний, ни мудрости родителей. Они хотят жить своей собственной жизнью. Что касается детей Толстого, то с ними произошло все наоборот. Их отец изменился, а дети остались вполне довольны своей жизнью. Отказ Л. Н. Толстого от прежних идеалов усложнил жизнь детей: их замечательный и любимый отец превратился в пророка-моралиста. Каким бы тонким психологом ни был Толстой, описывая в своих произведениях, что чувствует молодая девушка, солдат, крестьянин, чиновник, князь, он остался слеп к своей семье. (...)

Сдержанность в проявлении чувств помешала детям быть ближе к отцу, он так и не узнал, насколько глубока была их привязанность к нему».

Что ж, возможно, Гименей мстил за себя автору «Крейцеровой сонаты». «Но, — заключает С. Толстой, — Толстого нельзя ни судить, ни мерить на свой аршин. Те, кто пошел по этому пути, подчеркивая его противоречия, осуждая его непоследовательность, переменчивость взглядов, лицемерие, неизбежно вставали на ошибочный путь».

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж